

ЕВРЕЙСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В МИНСКЕ В 80-х гг.

Переработанная стенограмма воспоминаний, читанных на заседаниях секций 30 марта и 10 апреля 1923 года.

Товарищи, в повестке произошла маленькая ошибка: хотя я своей темой выбрала «еврейское рабочее движение в Минске в 80-х годах», но в повестке сказано—в 90-х гг. Я думаю, что это ошибка не случайная; я приписываю ее тому, что существует мнение, что до 90-х гг. было пустое место, а потом с неба свалилось рабочее движение. Я хочу показать, что и в 80-е годы также было не пустое место.

Социалистическая пропаганда в Минске началась еще в 70-х гг. В 1875 году в Минск приехал студент-технолог Рабинович. Он занялся пропагандой среди еврейских слесарей, а также среди интеллигенции. Через некоторое время его арестовали и выслали в Вятскую губернию. Пропаганда его не имела большого успеха. Слесаря, которых он распропагандировал, впоследствии стали хозяевами. В 1887 году у одного из них, Малявского, который в то время был хозяином очень крупной мастерской, возникла первая стачка евреев-слесарей. Из распропагандированных им интеллигентов Л. И. Рогалер принимал участие в движении 80-х гг., был арестован во время первого большого ареста «Бунда», принимал некоторое участие в дальнейшем соц.-дем. движении. Впоследствии уехал в Южную Америку.

После Рабиновича в 1877 г. в Минск явился также пропагандист, студент-технолог Михаил Веллер, который начал работать среди евреев-столяров, а также среди учащейся молодежи. Пропаганда эта пустила довольно глубокие корни среди широких кругов учащейся молодежи и среди еврейских столяров. Кроме того, Веллер свел знакомство с семьей Парфяновичей. Хотя это и не имеет прямого отношения к еврейскому рабочему движению, я на этом все же остановлюсь, потому что один из Парфяновичей—Казимир—играл очень большую роль в революционном движении

в Минске в 80-х гг. Он оказывал революционному движению существеннейшие услуги перевозкой людей, шрифта, литературы.

Веллер через некоторое время должен был скрыться из Минска. После его отъезда в Минске произошел целый ряд арестов. Арестовали Розалию Парфянович, Рогалера, семью Носовичей. Розалия Парфянович и Рогалер просидели два года в Виленской тюрьме. Веллер уехал за границу. При Лорис-Меликове он вернулся в Россию, а затем в Одессе покончил самоубийством.

Летом 1879 г. в Минске у моего брата Исаака Гурвича¹, у меня и еще нескольких человек возникла мысль об издании литературы на древне-еврейском языке. В то время еврейских рабочих в истинном смысле этого слова в Минске было очень мало; по преимуществу это были ремесленники, к ним примыкали широкие слои той публики, которую впоследствии называли полуинтеллигентами,—это были ешиботники, которые знали древне-еврейский язык, но плохо понимали по-русски. Чтобы привлечь эти круги к революционному движению, предполагалось издавать литературу на древне-еврейском языке. Для начала имелось в виду издать несколько статей Лассаля, Писарева. Был намечен переводчик для этого, учитель древне-еврейского языка Вольман. Мы с братом уезжали в Петербург, нам было поручено купить литографский камень и переслать его в Минск. О типографии мы в то время не смели еще и задумываться. Но в Петербурге нас скоро арестовали и из этой затеи ничего не вышло.

В конце 70-х гг. революционное движение было широко распространено по всей России. В Минске оно тоже захватило широкие круги, но в мою сегодняшнюю задачу не входит останавливаться на революционном движении вообще, я упомяну только, что из Минской губернии была Геся Гельфман, что Гриневицкий был минчанин. Скажу еще, что в Минске в 1881—1882 г. была типография «Черного Передела», и один из номеров «Черного Передела» был напечатан в Минске. Когда было замечено, что типографию проследили, ее убрали, закопали, а люди скрылись; из ра-

---

¹ Исаак Гурвич по окончании Минской гимназии в 1877 г. поступил в Петербургский университет. В 1879 г. он был арестован в Петербурге за пропаганду среди рабочих, просидел около года и выслан в Минск под надзор полиции. Оттуда в 1881 г. за пропаганду среди учащейся молодежи был выслан в Сибирь. В Сибири занялся вопросом о переселении крестьян в Сибирь и написал об этом большую работу, которую из-за ее марксистского направления ни один журнал не хотел печатать. В 1888 году она вышла отдельной книжкой. В 1890 г. эмигрировал в Америку, где играл видную роль в еврейском социалистическом движении. Написал на английском языке книгу об экономическом положении русской деревни, которая в середине 90-х годов была переведена на русский язык и сыграла большую роль в эпоху легального марксизма.

ботавших в этой типографии трое—Грунфест, Гецов (фамилии третьего не помню)—уехали за границу и приняли участие в образовании группы «Освобождение Труда».

Теперь я перейду к собственно еврейскому рабочему движению, к рабочим кружкам в Минске. Я должна предупредить, что я буду говорить только относительно того, что я сама пережила и что я сама помню, потому что печатных материалов об этом времени почти не имеется. Имеется только статья моего брата: «Еврейские рабочие кружки в Минске» в «Былом» 1907 г., 6-я книжка; все, что писалось об этом времени Бухбиндером,—написано на основании этой статьи. Затем в сборнике «Беларусь» имеется статья о революционном движении в Белоруссии.

Относительно этой статьи я должна сказать, что там очень трудно отличить правду от вымысла, там настолько перепутаны все события, что разобраться в этом материале довольно трудно.

Первые рабочие кружки в Минске были основаны Е. С. Хургиним. Он в 1882 году был арестован на границе при возвращении из-за границы, откуда он вез письмо Гартмана. Он просидел около года в Виленской тюрьме, а затем был отдан под надзор полиции в Минске. Живя в Минске, он свел знакомство с еврейскими рабочими и положил начало еврейским рабочим кружкам. Хургин был народовольцем, но нельзя сказать, чтобы эти рабочие кружки носили специально народовольческий характер. Это были чисто пропагандистские кружки, и вначале они, может быть, и не носили строго политического характера. Впоследствии Хургин отстал от движения, в 90-х гг. перешел к сионистам, к правому крылу; в настоящее время он находится в Палестине.

В 1884 же году в Минск приехал студент Юрьевского университета Эмиль Абрамович. Он свел знакомство с наиболее интеллигентными рабочими—типографскими—и повел среди них пропаганду. У Абрамовича была своя система: он разделил рабочие кружки на три группы; в первой группе занимались только грамотой, затем были кружки для занятий естествознанием, и только те, которые прошли через эти две группы или через вторую, допускались в высшие кружки, где занимались уже социализмом и политической пропагандой. Эта программа была впоследствии принята везде для пропаганды. Еврейским это движение можно назвать только потому, что в нем принимали участие исключительно еврейские рабочие, не потому, чтобы основатели этих кружков ставили себе специальные задачи привлечения исключительно еврейских рабочих. Нет, задачи, которые они себе ставили, были гораздо шире: основатели этих кружков имели в виду вообще вести пропаганду среди рабочих, а не только среди евреев. Но условия жизни в Минске были таковы, что доступа к не-еврей-

ским рабочим в то время почти не было. Я даже укажу, что тот же Парфянович, о котором я уже говорила, который тогда участвовал в движении, не мог связаться сам и связать еврейские революционные кружки с не-еврейскими рабочими. Надо сказать, что еврейские рабочие, как и вообще евреи в Минске, жили довольно обособленной жизнью, и точек соприкосновения с не-еврейским населением, в сущности говоря, не было. Я уже сказала, что это движение можно назвать еврейским только по составу участников; никаких специальных еврейских целей эти рабочие кружки в то время себе не ставили, не возникало даже мысли о ведении пропаганды среди рабочих на еврейском языке. В то время среди евреев было очень сильное стремление к образованию и, прежде всего, к изучению русского языка, чтобы иметь возможность читать русские книги. Кое-где, повидимому, были попытки издавать пропагандистскую литературу на еврейском языке. Например, в 1902 г., к пятилетию существования «Бунда», один из прежних участников Драгомановской громады, Кузьма Ляхоцкий, преподнес заграничному комитету «Бунда» в Женеве очень любопытный документ, написанный Цукерманом, относительно необходимости издания литературы для еврейской массы на разговорном еврейском языке, чтобы как можно шире повести пропаганду среди евреев. В то время эта попытка не встретила сочувствия. Документ этот сохранился у Драгоманова, большого сторонника всяких национальных языков и национальной культуры.

Для занятий с рабочими было много интеллигенции. Народно-вольческое движение захватило широкие круги учащейся молодежи. Занятия грамотой и естествознанием считались необходимой ступенью, без которой невозможно было приступить к революционной пропаганде. Примыкали, конечно, к движению не одни только евреи, но эта не-еврейская публика из интеллигенции больше занималась среди еврейских рабочих и если и вела сношения с не-евреями, то это были отдельные лица. Были кружки военных, кружки семинаристов, но мы с ними связь имели чисто техническую, близких сношений не имели.

В 1885 г. вернулись из Сибири мой брат Исаак Гурвич и его жена Елена, и им Абрамович, уезжая после каникул из Минска, передал свои кружки. Кроме хургинских кружков образовалось, таким образом, еще довольно много кружков, которые я бы теперь охарактеризовала, как марксистские кружки, хотя строго марксистского характера они в то время еще не носили. Публика эти кружки называла Исааковскими, хургинские кружки называла Ефимовскими. Таким образом, в Минске тогда образовались две группы: одна—Ефимовская, другая—Исааковская. Но если подойти к этим группам с теперешним масштабом, то это была народо-

вольческая группа, с одной стороны, и марксистская группа— с другой, хотя и не строго марксистская.

Чем же занимались в этих кружках? Мы не станем говорить о занятиях русской грамотой и естествознанием, эти занятия везде носили один и тот же характер. Это были беседы о природе Зобова; о русской грамоте говорить не приходится. Была даже сделана в 1885 г. попытка легализовать эти занятия, потому что мы прекрасно понимали, что если полиция натолкнется на кружки русской грамоты, то она никогда не поверит, что там занимаются только грамотой и только естествознанием. Была сделана попытка основать для изучения русской грамоты и для занятия естествознанием субботнюю школу. Удалось получить полуофициальное разрешение на субботнюю школу. Но об этом пронюхали палестинцы (это было еще до сионизма); это было вскоре после погромов, они увидели в этом, с одной стороны, конкуренцию себе, а с другой стороны, усмотрели в этом опасность для существующего строя. Палестинцы стали агитировать против субботней школы, называя ее школой социализма, а кроме того, они прибегли к другому испытанному средству—к доносам. Посыпался целый ряд доносов директору народных училищ о том, что это школа социализма, о том, что там потрясают основы и т. д., и школа была закрыта. Школа просуществовала месяца полтора приблизительно. Когда начались занятия, там было 35 учащихся, а ко времени прекращения занятий там было 100 человек. И на учащихся, и на рабочее население закрытие школы произвело очень сильное впечатление. Это был как бы наглядный урок политического воспитания, показавший, что даже такое простое и совершенно невинное дело, как изучение русской грамоты и начал естествознания является делом недозволенным. Пришлось вернуться к прежним приемам, к занятиям этими предметами в кружках. Конечно, те, которые вели агитацию против этой субботней школы, в одном не ошиблись, что, в сущности говоря, не в одной грамоте было дело, а что это была лишь первая ступень, и что за этими занятиями грамотой следовали занятия по вопросам социализма, по вопросам революции, и что с точки зрения существующей власти она грозила существующему строю. Кружки, в которых велась революционная пропаганда, были чисто пропагандистскими кружками, которые, в сущности говоря, не ставили себе в то время еще никаких практических задач. В то время еще не умели связать революционно-социалистическую пропаганду с борьбой за повседневные насущные интересы. Это явилось уже гораздо позднее, во второй половине 90-х гг., когда везде началось широкое рабочее движение. Да оно и понятно; в то время, о котором я говорю, рабочего движения в настоящем смысле слова не было, была

пропаганда среди рабочих, которая велась уже в 70-х гг. Пропаганда среди рабочих имела целью создание рабочей интеллигенции, которая понесла бы идеи социализма, идеи революции в деревню. У нас была та же самая задача—создание рабочей интеллигенции, которая могла бы самостоятельно в дальнейшем повести более широкую пропаганду среди рабочих. И действительно, надо сказать, что те рабочие, которые постепенно разъезжались из Минска, попадая в другие города, везде клали начало рабочим кружкам. Я укажу на Рафаила Свердлова; это был наборщик, он у нас имел кличку «художник». Приехав в Вильну, он положил там начало рабочему кружку. Был еще рабочий Хейфельд, который жил потом в Одессе, Пороховник и целый ряд других рабочих, которые, попав в другие города, везде основывали рабочие кружки и старались привлекать как можно большие круги рабочих не только в еврейских городах. У нас был наборщик Яков Звирин, который поехал в Смоленск и там работал в типографии «Смоленского Вестника», в котором работала революционная публика; он связался с этой публикой и положил начало рабочим кружкам. Потом произошел арест редакции «Смоленского Вестника». Звирин также был арестован. Из Смоленска он был переведен в «Кресты». После этого дорога была только в Америку, так как в России в типографиях уже работать нельзя было. Надо сказать, что рабочие, которые уезжали в Америку, и там играли видную роль в тамошнем еврейском социалистическом движении. Если считать с результатами, то нельзя сказать, что те труды, которые были положены в то время, та работа, которая велась, пропали совершенно даром, что они не дали никаких следов. Они дали некоторые следы и в России, а кроме того, те, которые уезжали, несли идеи социализма дальше, туда, куда они попадали. И в американском социалистическом движении еврейские рабочие из России сыграли немалую роль.

Теперь возникает вопрос, как же мы занимались в высших кружках, где уже занимались социализмом. Литературы нелегальной у нас было очень мало. Насколько мне помнится, у нас был «Коммунистический Манифест», том Лассаля, который не был нелегальным, но был изъят из обращения, популярное изложение Маркса-Девилля, и это, кажется, для пропаганды все. О том, что в Лондоне была уже издана на еврейском языке превосходная книжка Дикштейна «Кто чем живет», мы не знали. Кроме того, была, конечно, у нас литература землевольческого и народовольческого периодов, были биографии деятелей «Народной Воли», была речь Петра Алексева, были книжки «Вестника Народной Воли»,— это все было для чтения, а для занятий, кроме того, что я указала, у нас не было никакой литературы. Значит, нам приходилось са-

мим, так сказать, составлять конспекты, лекции и излагать устно, кроме того, мы пользовались отчасти и легальной литературой, различными статьями из журналов, которые в то время выходили, но больше, конечно, приходилось вести устную пропаганду, а для самостоятельного чтения по вопросам социализма у нас почти никакой литературы не было. Из этого не следует, что рабочие у нас не имели литературы; у нас в Минске была очень хорошая библиотека, в ней было несколько сот томов, по преимуществу из книг, изъятых из обращения, и наиболее развитые рабочие пользовались этой библиотекой. Кроме того, у рабочих была самостоятельная библиотека, правда, небольшая, но, тем не менее, там были собраны сброшюрованные статьи из различных журналов, которые были доступны для чтения наиболее развитым рабочим. Кроме того, наши рабочие читали социальные романы Швейцера, «Эмму и Люцинду», «Шаг за шагом», Омуревского, «Один в поле не воин» Шпильгагена, роман «Что делать», который пользовался очень большой популярностью, книги Златовратского, Засодимского, Г. Успенского,—одним словом, все, что было доступно из беллетристики. Но, конечно, потребность в социалистической литературе очень остро чувствовалась. Поэтому в 1886 году у моего брата, его жены, Е. А. Гальперина, Павловского, меня и еще нескольких человек возникла мысль о необходимости издания популярного неперидического социалистического журнала, под названием «Социалистическое Знание». Мы понимали, что собственными своими силами мы такого большого дела не можем сделать, поэтому решили обратиться с воззванием в разные города России. Такое обращение было напечатано, оно было послано в Москву; там жил один из наших товарищей-минчан Владимир Слепян, под кличкой Малой; ему оно было послано, а он из Москвы, связавшись с другими, разослал по разным городам России, между прочим, также прислал и в Минск. Но этим дело и ограничилось. Никакого отклика оно нигде не встретило, никем ничего по этому поводу не было сделано. У нас были намечены статьи, кое-что переведено с французского языка о Французской революции, из истории Луи Блана, кое-что было написано моим братом. Этим попытка кончилась.

Главный контингент наших наиболее развитых рабочих составляли наборщики; поэтому у нас возникла мысль самим издавать кое-что, и мы действительно издали несколько брошюр, четыре брошюры Лаврова, затем в 1888 году мы напечатали процесс Лопатина. В 1887 г. один из наших товарищей, Шмулевич, был в Швейцарии и привез оттуда вопросы для разработки программы. Эти вопросы обсуждались в разных кружках в Минске, но не все кружки довели это обсуждение до конца, потому что вопросы

были составлены в марксистском духе, и кружки народовольческие бросили обсуждение, и только один кружок человек в 15, который собирался на квартире моего брата, довел это дело до конца. Из этого кружка человек семь-десять приняли с.-д. программу. После обсуждения этих программных вопросов, мы их напечатали; получилась довольно толстая брошюрка, которую мы разослали по всей России через университетские города. Вот то, что мы напечатали за период с 1886 по 1889 год.

Когда было замечено, что типографию проследили, ее утопили в реке. Хозяйкой этой типографии долгое время была ныне живущая в Ленинграде Дуня Левина, принимавшая активное участие в революционном движении.

Хотя в то время мы еще не ставили себе задачей экономическую борьбу, но если рабочие начинают собираться в кружки, если они занимаются вопросами социализма, то они неизбежно естественным образом должны перейти к какой-нибудь практической деятельности. Наборщики, которых в Минске было не очень много, были все организованы. Типографий было очень мало, всего три—Соломонова, Дворжнеца и губернская типография. Наборщики добились для того времени очень существенного—двенадцатичасового рабочего дня; хотя этот вопрос еще в то время не ставился в большом масштабе, но тем не менее это там естественно возникло. Затем в некоторых мастерских, например, в женских портняжных мастерских, где были работницы, принадлежавшие к нашей организации, они тоже провели 12-часовой рабочий день, но в общем, конечно, рабочий день в это время был очень продолжительный—13-14 часов, в маленьких мастерских и 15 часов, как и везде в то время.

Летом 1886 г. возникла стачка обойщиков двух крупных мастерских из-за требования 12-часового рабочего дня. Сколько человек участвовало в то время в этой стачке, я не помню. Конечно, не надо к стачкам того времени применять современный масштаб вообще, а в Минске в частности. Я уже сказала, что там были мелкие ремесленные мастерские. Если в мастерской было 12 человек, то она считалась уже крупной.

Стачка обойщиков возникла стихийно без всякого постороннего влияния, но она очень скоро кончилась: продолжалась несколько дней, и хозяева уступили. Рабочих этого цеха было очень немного, это были квалифицированные рабочие, получить сразу в то время хороших рабочих было трудно, это был сезон,—и рабочие выиграли. Кроме того, в 1886 г. была стачка в еврейском ремесленном училище; она наделала много шума в городе, потому что училище содержалось на благотворительные деньги, там были почетные попечители, и естественным образом поднялся ужасный

скандал в городе. В сущности говоря, требования, выставленные учениками ремесленного училища, к политике не имели никакого отношения; они не ставили вопроса о рабочем дне, потому что это было училище, они были недовольны смотрителем училища и требовали его удаления. Если бы в эту стачку не вмешался никто из революционеров, то, может быть, она прошла бы незаметно, но большой скандал в городе вызвало то, что там приняла участие жена моего брата, Елена Гурвич. Она беседовала с учениками, приходила на их собрания. В этом усмотрели крамолу, и среди еврейских попечителей поднялась большая тревога. Кончилось дело тем, что несколько ограничили права смотрителя, а для надзора за ним, для нейтрализации, в качестве учителя пригласили очень популярного в городе учителя А. Е. Богдановича; это был революционер, но об этом не было известно, знали только, что он человек очень прогрессивный.

В 1887 году возникла уже большая стачка слесарей, продолжавшаяся два месяца, в мастерской одного из тех, кто был привлечен в 1875 г. пропагандой Рабиновича,—в мастерской Маляевского. Рабочие требовали там введения 12-часового рабочего дня, но ничего не добились. Несколько хозяев крупных мастерских сговорились не принимать на работу 12 человек, участвовавших в этой забастовке. Конечно, теперь комично говорить о стачке в 12 человек, но надо перенестись в те времена и вспомнить, что в большей части еврейских городов ремесленные мастерские были очень мелкие.

Была еще стачка столяров, но я о ней подробностей не помню.

После стачки слесарей этим 12 человекам в Минске делать было нечего. Из принимавших участие в этой стачке я помню только нескольких; это были Окунь, Пороховник, Мышалов, Колодник; других фамилий я не помню, да и вообще многие были известны не по фамилиям, а по кличкам. Этим рабочим оставалось одно из двух: или уехать, или что-нибудь сделать для того, чтобы существовать. Некоторые действительно уехали, а несколько человек решили организовать артельную мастерскую. Многие из нас с самого начала относились очень скептически к этой затее и были уверены, что из нее ничего не выйдет. Артель эту организовали вначале человека четыре или пять; у них, конечно, не было денег, кое-какие деньги были добыты, но тем не менее вполне оборудованной мастерской они не могли устроить; затем, для получения работы нужны были связи, а кроме того это были распропагандированные рабочие, хозяина над ними не было, их интересовал целый ряд вопросов, они интересовались чтением, политикой, и вполне понятно, что бегать искать работу большого стремления у них не было; дело их пошло довольно плохо, они по большей

части читали или занимались пропагандой среди рабочих, мастерская служила квартирой для собраний, но вопросами повседневного заработка члены артели очень мало интересовались, и вскоре артель умерла естественной смертью.

Сколько еврейских рабочих было охвачено в то время движением в Минске? По подсчетам Хургина в 1885 г. в его кружках участвовало 160 человек. Кроме того, в наших кружках тоже участвовало человек 100. Можно без преувеличения сказать, что движением было охвачено человек 250—300 рабочих. Для того времени это довольно значительное число.

Какие ремесла были охвачены в то время движением? За малым исключением почти все ремесла были охвачены движением, я уже говорила, что в движении участвовали все типографские рабочие; кроме того, было очень много девиц портновского ремесла, и это была наиболее интеллигентная публика; в то время еврейские девушки только начинали заниматься ремеслами, и вначале за него принималась наиболее интеллигентная публика; были охвачены столяры, сапожники, заготовщики, слесаря, но были две категории рабочих, которые в то время совершенно не примыкали к движению, это мужские портные и приказчики. В то время приказчики если и не становились потом мелкими лавочниками, то во всяком случае об этом мечтали, и того типа приказчиков, которые потом играли видную роль в «Бунде», тогда еще не было.

Существовали ли у нас рабочие кассы? Ясно, что раз существовали организации, то у них были и нужды, для покрытия которых и существовали кассы; но они не носили того характера, который носили кассы в 90-х гг., когда это были кассы борьбы. Тут почти не было борьбы, следовательно не могли существовать кассы борьбы. А при отсутствии практических задач правильных сборов в эти кассы не производилось, и большой роли они не играли.

Теперь я перехожу к вопросу сношения минчан с другими городами. У нас были связи с Вильной, но они не поддерживались аккуратно, а лишь от случая к случаю. Виленцы приезжали к нам, когда это вызывалось необходимостью, например, за литературой, паспортами. Из Вильны, например, приезжал иногда Шарль Раппопорт, который тогда был еще гимназистом. Кроме того, были сношения с Гомелем; в случае надобности туда ездили из Минска или к нам приезжали оттуда.

Были сношения у нас с Петербургом, с Москвой. В Минске с давних пор,—как утверждает «Беларусь», вероятно, с самого начала 70-х гг., существовало паспортное бюро. «Беларусь» говорит, что паспорт, которым пользовался Кобозев под фамилией Богдановича, был сделан в Минске; этого я лично не знаю, но в мое

время, когда я там работала, приблизительно с 1885 года, у нас было очень активно работавшее паспортное бюро, которое снабжало паспортами многие города России—Петербург, Москву и т. д. Этим паспортным бюро ведали два человека: брат Хургина, так называемый, «батяка», и Рогалер. Хургин впоследствии уехал в Америку. Рогалер жил в Минске также и при существовании «Бунда».

Кроме паспортного бюро имелись сношения с контрабандистами и с пограничными местечками. Этими сношениями пользовались, когда надо было переправлять людей за границу. В перевозке людей, литературы, шрифта большую роль играл Парфянович; он был помощником железнодорожного мастера, имел свой вагон, который мог прицеплять ко всем товарным поездом, а иногда и к пассажирским. Парфянович был ловкий парень и не дурак выпить. Сплошь и рядом, когда он переносил тяжелые тюки, то железнодорожный жандарм помогал ему вносить их в вагон. Парфянович недавно умер. Последние годы он был разбит параличом и получал пенсию. Это был человек чрезвычайно далекий от теорий, но всей душой преданный революционному движению, ни перед чем никогда не останавливавшийся. Он никогда не попадался, потому что умел выпить со всяким железнодорожным служащим, жандармом и т. д.

Интересен вопрос о том, как относились распропагандированные рабочие ко всей остальной массе нераспропагандированных рабочих. Надо сказать, это я и тогда замечала, а также и позднее, в 90-х гг., что среди интеллигентных распропагандированных рабочих было какое-то снисходительно-презрительное отношение к той массе, которая, так сказать, не сподобилась учению социализма и не была распропагандирована, и только отдельные единицы так не относились, а наоборот всячески стремились привлечь к движению более широкие круги, но в массе в особенности такое снисходительное отношение к непосвященным и нераспропагандированным рабочим наблюдалось среди женщин. Это я считаю одним из минусов этого движения, но скрыть этого никак нельзя, тем более, что я это замечала и впоследствии.

Перехожу теперь к вопросу об арестах. Может показаться странным, что существовало движение и как-будто не было арестов. В 1887 г. был арестован один из лучших, наиболее интеллигентных наборщиков «Иосиф Резник» по доносу старшего мастера типографии, Маца. Это была чисто провокационная история. Резник дал ему книжку «Календарь Народной Воли», и когда тот ему возвращал книжку, в типографию явились жандармы, у Резника нашли книжку, и он был арестован. Это у нас был первый арест. Резника продержали сравнительно недолго в тюрьме и сослали

в Восточную Сибирь; в то время евреев ссылали только в Якутскую область, он был отправлен в Верхоянск. В 1892 г. он вернулся, но, конечно, с большим ограничением по части городов, во-первых, и, во-вторых, ему запрещено было работать в типографиях. Поэтому у него другого выхода не было, как уехать в Америку. Жив ли он сейчас, не могу сказать. Затем в 1888 г. был арестован, также по доносу, по распоряжению из Москвы, Белая; он был сослан в Восточную Сибирь, куда именно, я не помню, и пробыл там 5 лет и по окончании срока в Минск уже не возвращался. В настоящее время живет в Москве, состоит членом кружка народо-вольцев. Из рабочих кроме Резника пока никто не был арестован. В начале 1889 г. был арестован переплетчик, фамилии которого я не помню; звали его у нас Лаплас. Это был очень юный человек, не особенно сильный, довольно развитой. Повидимому, жандармы у него очень много вывели, потому что после этого начались обыски и аресты. Одной из причин, что у нас было сравнительно мало арестов, является то, что мы, во-первых, знали всех шпионов в лицо. В таком городе, как Минск, это было довольно легко. Если мы замечали, что вертится какой-нибудь подозрительный субъект, то квартиру бросали и принимались меры, чтобы преследований не было. Кроме этого, у нас были еще пути, благодаря которым мы всегда знали о том, что будет обыск. Только случайно, если распоряжение об обысках и арестах шло не из Минска и носило скоропалительный характер, тогда нам о них не было известно. Случалось, что ничего не находили, а людей забирали, так например, был арестован Мерлинский (сейчас он живет в Варшаве). За ним следили, была известна его квартира, за которой следили, он жил в одном из людных домов, там была найдена в отхожем месте пачка литературы; эту литературу приписали ему, и хотя она была найдена не у него, его арестовали. Он просидел несколько месяцев в Минске, потом был выслан в Вологодскую губернию. Были еще некоторые минчане, которые были арестованы уже не в Минске; например, Слепян был арестован в Москве, затем жил под надзором некоторое время в Минске, а потом его перевели в «Кресты». Затем в 1889 г. был арестован в Берлине Протас, очевидно, по минскому делу, а может быть, где-нибудь была найдена его фамилия; он принимал активное участие в революционном движении, затем уехал учиться за границу и по распоряжению из России был арестован, препровожден на русскую границу и передан русским жандармам. Он сперва был сослан в Вологодскую губернию, оттуда в Восточную Сибирь, и пробыл в Верхоянске 5 лет. Затем, когда в 90-х гг. в Париже произошла история с генералом Селиверстовым, там были забраны адреса многих минчан, между прочим, Аронзон; она была арестована, просидела

5 месяцев. Кроме того, был найден адрес моего брата И. Гурвича. К нему пришли с обыском, предполагалось его арестовать, но его не было дома, ему было дано знать, и он уехал за границу.

Теперь я опять возвращаюсь к вопросу об артелях. В 1889 году в Минск приехал из ссылки некий Соколов, интеллигент, изучивший слесарное мастерство, который носился с идеей артельной мастерской. Он мне рассказал об этом; я сказала ему, что у нас здесь есть бывшие артельщики, при чем у них есть кое-какое артельное имущество. Я свела его с Окунем, Пороховником, Мышаловым и другими, всех не помню. Они столковались относительно совместного открытия артельной мастерской. Денег у них не было, с такими инструментами, которые оставались от прежней артели, открывать мастерскую нельзя было. Тогда через Э. Я. Аронзон им был устроен постоянный кредит в одном большом магазине железа в размере 50 руб. И таким образом была открыта мастерская. Сперва их было человек шесть-семь. Дело пошло хорошо.. Соколов был всей душой предан делу артели и считал, что создание артелей кладет начало будущему социалистическому строительству, и поэтому он зорко следил, чтобы работа там велась действительно на этой почве. Но у него выходили конфликты с нашими еврейскими рабочими, бывшими артельщиками: он в артели видел цель и спасение, а они видели только средство устроиться; он чрезвычайно дорожил артелью и следил, чтобы как-нибудь они ее не скомпрометировали, а они об этом мало думали; они пользовались квартирой мастерской для того, чтобы получать письма, назначать свидания. Соколов был недоволен, и на этой почве происходили неприятности, но тем не менее они все же уживались, дело шло хорошо, артель стала расширяться, в нее стали вступать новые члены. Пока еще вступали распропагандированные рабочие, дело шло недурно несмотря на внутренние трения; но затем явились новые причины для трений, вследствие которых артель естественным образом должна была распасться. Мастерская получала все больше и больше работы, возникла потребность в новых рабочих. Члены артели имели уже известный капитал в виде оборудования, имели клиентов, они создали эту артель, а новые рабочие ничего не сделали: явился вопрос, как их принимать в артель, в качестве ли членов,—но ведь они нужны только на-время, пока есть работа, например, по постройкам, когда нужно увеличить состав рабочих, увеличивать же вообще артель не входило в расчеты, потому что в один прекрасный день пришлось бы ее сокращать; значит, пришлось нанимать рабочих. И получилась та же самая история, которая получалась везде, где социалисты были членами артелей, ассоциаций и должны были увеличивать число рабочих.

Члены артели были как бы хозяевами, а вновь принятые были наемными рабочими. На этой почве создавались конфликты. На почве этих конфликтов дело дошло до того, что решено было эту артель ликвидировать. Кто-то у них купил мастерскую, и они, начавши дело с кредита в 50 руб., через полтора-два года получили полторы тысячи рублей. Вот краткая история артели, которая кончилась так, как она должна была кончиться. Мы, марксисты, это заранее знали, а Соколов, который проводил народнические тенденции, спорил против этого, но против факта нельзя было уже спорить. Так эта артель и скончалась...

С конца 1880 г. движение в Минске стало сходить на-нет, потому что в сущности еврейским рабочим некуда было деваться. Хотя промышленность и стала немножко развиваться, но в Минске распропагандированным хода не было, в другие города, благодаря черте оседлости и преследованиям евреев, им было довольно трудно уехать и устроиться, в особенности в русских городах. Потребности в профессиональных революционерах не было, потому что общая революционная волна спала, а новая еще не поднялась. Поэтому началось усиленное переселение рабочих в Америку. У многих в Америке были родные, которые звали их туда. Благодаря усиленной эмиграции в Америку, движение стало сходить на-нет. Конечно, были еще и другие причины. Распропагандированные рабочие не видели дальнейшей цели для своей пропаганды вообще. Мы, когда начиналось это движение, ставили себе задачей создание рабочей интеллигенции для пропаганды среди рабочих и среди крестьян. В то время среди нас еще были сильны народнические тенденции, и центр тяжести мы видели все-таки в деревне, а не в городе. Брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба» вышла позднее, в то время ее еще не было. Наши рабочие не были такими интеллигентами, которые могли бы послужить мостиком между городом и деревней. Если это было верно по отношению к русским рабочим (а будущее показало, что это было верно), то к еврейским рабочим это не было применимо. У нас же были только еврейские рабочие, так что в сущности не было никакого выхода, никакой цели. Движение должно было пойти на убыль помимо того, что лучшая часть рабочих эмигрировала в Америку. Я еще забыла упомянуть, что квалифицированная часть наших рабочих, наборщики, отсидев в «Крестах», не могли уже работать по своей профессии в России и естественно вынуждены были уезжать в Америку.

Мне остается еще упомянуть фамилии некоторых лиц, которые у меня сохранились в памяти. Я должна назвать Резника, Виленчика, который работал в нашей тайной типографии, Свердлова, о котором была уже речь, Фишера—наборщика, который работал

в губернской типографии и таскал нам оттуда очень много шрифта. Был еще наборщик, которого мы знали под кличкой «Круглый». Это был действительно маленький, круглый наборщик; фамилии его я не помню. Из портних я мало помню фамилий. Помню фамилию—Цукерман, она также в Америке, это была одна из наиболее развитых работниц-портних. Я уже упоминала фамилию Гальперин. Кличка ее была «Гвоздичка». Были столяры, фамилий не помню, по кличке помню одного—«Священник». Помню еще рабочего с кличкой «Скрипач». Некоторые фамилии уже были ранее названы, например, Хейфец, Свердлов, Звирин, Окунь, Пороховник, Мышалов, Колодник и др. Из интеллигентов кроме тех, о которых я уже говорила, должна назвать еще Сою Пеймерин, которая переехала в Вильну, потом жила в Варшаве, Ю. Я. Мовшович, очень энергично работавшую, затем Шмулевича, кличка его была «Кивель», Дуговского из народовольческой группы, Капланы—брат и сестра, Каценельсоны, которые принимали очень активное участие, содействовали движению, давали свои квартиры, собирали деньги; Фишерову, Рахиль Бернштейн, Соломона Поляка, Гохберга, Рубенчика и многих других, фамилий которых я, к сожалению, не помню. Из не-евреев, принимавших очень активное участие в движении, я должна упомянуть в особенности А. Е. Богдановича, Антона Сабиковича Павловского, который был помощником провизора в аптеке на Троицкой горе. В этой аптеке у нас была конспиративная квартира, там устраивались собрания, были явки. Одним словом, эта квартира играла очень важную роль. В этой аптеке до Павловского работали братья Лихтерман. Один из них принимал очень активное участие в устройстве типографии; они потом уехали в Америку. Очень часто бывал в Минске и вращался среди еврейской публики Трусевич (Залевский). Он подолгу жил в Минске и тогда занимался пропагандой среди еврейских рабочих. В 90-х годах Трусевич был одним из тех, которые убедили меня в необходимости работать среди еврейских рабочих на еврейском языке.

В связи с докладом предложено было несколько вопросов: 1) об издававшейся народовольцами еврейской газете «Арбайтерцайтунг»; 2) о документе, врученном Кузьмой Ляхоцкии в Женеве к пятилетнему юбилею «Бунда»; 3) было ли известно кружку, задумавшему в 1879 г. в Минске издавать социалистическую литературу на древне-еврейском языке, о существовании газеты «Эмес»; 4) о разнице между группами Хургина и Гурвича; 5) ставились ли в кружках вопросы о еврейском бесправии или равноправии; 6) занимала ли какое-нибудь место в работе пропагандистских кружков существовавшая тогда легальная литература на разговорно-еврейском языке; 7) приходилось ли вести борьбу с пале-

стинофильством, с религиозными еврейскими представлениями; 8) делались ли в Минске попытки связаться для работы с другими еврейскими городами; 9) применялся ли при пропаганде еврейский язык неофициально.

По поводу поставленных здесь вопросов могу сказать следующее.

О документе, который был вручен заграничному комитету «Бунда», проект Цукермана издавать литературу и вообще пользоваться разговорным еврейским языком для агитации и пропаганды среди еврейских рабочих, до осени 1902 г., когда в Женеве происходило празднование 5-летия «Бунда», раньше мне ничего не было известно. Если мне это до тех пор не было известно, то и другим в Минске это также не было известно. В 1902 г. на праздновании юбилея Бунда это сообщение было как бы разорвавшейся бомбой,—никто ничего об этом не знал. О Цукермане, который принимал участие в народовольческом движении, многие знали, но об этом проекте ничего не было известно. Никто из тех, кто присутствовал на этом праздновании, ничего об этом не знал.

Что касается «Арбайтерцайтунг», то, повидимому, она выходила в 1881 или 1882 г., т.-е. во времена «Народной Воли», тогда, когда начались погромы. Я тогда была за границей и ничего об этом не слышала, хотя и там вращалась в среде эмигрантов. Если бы об этом тогда знали, то этот вопрос обсуждался бы в эмигрантских кружках. Я об этом абсолютно ничего не помню, и узнала об этом сравнительно недавно, не знала даже, что народовольцами издавалась такая газета. В середине 80-х гг. в Минске такой газеты не было.

Перехожу к вопросу о марксистском течении, о котором я тут действительно упомянула вскользь, потому что оно у нас до 1887 г. не было вполне определенным. И если про кого-нибудь можно сказать, что уже с 1884-1885 г. он был марксистом, то это можно сказать только о покойном д-ре Абрамовиче, который уже тогда был марксистом в строгом смысле этого слова. Что касается остальных членов нашего кружка, то если мы и были марксистами, то с очень большим налетом народничества. Помню, что мы еще в то время центр тяжести видели в крестьянстве, в деревне, а не в городе. Мы только считали, что так как городского рабочего легче организовать, так как городские рабочие легче поддаются пропаганде и агитации, то это тот элемент, который потом послужит мостиком, по которому социализм и революция перейдут из города в деревню. Так мы смотрели на это дело до 1887 г. Почему мы в 1887 г. резко перешли после обсуждения программных вопросов к с.-д. программе и марксизму? Это потому, что тогда у нас, приблизительно в 1886 г. или в начале 1887 г., по-

явились «Наши разногласия» Плеханова, которые оказали на нас, да и вообще в России, огромное влияние. Только после того, как мы проштудировали «Наши разногласия» Плеханова, нам стали ясны наши разногласия с народниками и народолюбцами. До того времени наш марксизм был еще довольно сомнительного свойства.

Здесь был поставлен вопрос об еврейских обывательских обществах. У нас еврейские обывательские общества никакого влияния не имели. Я уже упомянула, что в 1885 г. нам пришлось вести очень сильную борьбу с палестинцами. Но она вскоре прекратилась, потому что в рабочей среде палестинские идеи не имели никакой почвы, и если в то время началась усиленная эмиграция среди евреев, то эмигрировали в Америку, а не в Палестину; никаких корней палестинское движение в еврейскую рабочую среду не пустило, и на практике нам не пришлось иметь дела с палестинским движением.

Что касается литературы на древне-еврейском языке, то, конечно, нам было известно, что в 1878 г. в Берлине Аронзон, Гуревич, Либерман издавали социалистическую газету на древне-еврейском языке, хотя мы ее не читали. Она была рассчитана на известные круги читателей. Мы тоже задумались над изданием социалистической литературы на древне-еврейском языке, и мы имели в виду те же самые круги читателей, которых имела в виду эта газета «Эмес».

Относительно группы Хургина и нашей должна сказать, что мы очень мирно уживались, потому что не было таких практических вопросов, на которых мы могли бы разойтись. Несмотря на свое народничество, Хургин и его кружок так же занимались пропагандой среди рабочих, как и мы.

Об агитации в то время речи еще не было, велась только пропаганда. В виду отсутствия практической работы не было поводов для расхождений. Наши рабочие посещали хургинские кружки, хургинские рабочие посещали наши, и мы прекраснейшим образом уживались друг с другом. Если устраивались общие собрания, то были и те и другие; такого разграничения партийности, какое было впоследствии, в то время не было.

Что касается специально еврейских вопросов, то естественно, что вопрос о еврейском бесправии и равноправии не мог не возникнуть: ведь от отсутствия права жительства страдали еврейские массы. В 80-х годах, кажется в 1887 г., был издан циркуляр Делянова относительно процентной нормы приема евреев в высшие и средние учебные заведения и относительно экстернов. Естественно, прежде всего возникал вопрос о праве жительства и вообще о всех тех преследованиях, которые, как из рога изобилия, сыпались на евреев в мрачное время 80-х годов, во время Алек-

сандра III, но все мы все надежды возлагали на будущую революцию, которая все сметет и разрешит все вопросы. Мы в то время не ставили еще себе никаких практических задач,—это было только начало рабочего движения. Я глубоко убеждена, что всякое движение должно начаться с пропаганды прежде всего, потому что нужно подготовить людей для дальнейшего движения, для дальнейшей работы.

По поводу еврейской литературы должна сказать, что ни в наших кружках, ни в хургинских еврейская литература в ходу не была, среди рабочих было сильное стремление к русскому языку, была огромная жажда учиться и именно научиться русскому языку, чтобы быть в состоянии читать богатую русскую литературу, о еврейском языке даже совершенно не задумывались. Я очень часто бывала на разных рабочих квартирах, но никогда нигде не видела ни одной еврейской книжки из еврейской легальной литературы; в рабочей среде эта легальная еврейская литература в 80-х гг. популярностью не пользовалась.

Что до религии, то наши рабочие никогда не были религиозны. И те рабочие, с которыми мы сталкивались, уже отошли от религии, раз они приходили по субботам на занятия, раз они собирались в кружках, молодые люди и девицы отправлялись на собрания в лес, то, так сказать, они по крайней мере в грубом смысле этого слова, религию уже отбросили. Что у них было в глубине души, я не знаю, я никогда не встречала ни одного религиозного рабочего.

Относительно попытки связаться с другими еврейскими городами я уже говорила, что с Вильной и Гомелем была постоянная связь. Что касается других городов, то мой брат в 1889 г. объезжал целый ряд городов: Белосток, Гродно, Вильно. Может быть, от него кое-что было законспирировано, но я знаю, что в Вильне он виделся с Тышко (Иогихесом), который ему сказал, что там есть один рабочий кружок, в котором участвуют 4 человека. Это было то, что ему было сказано в 1889 г.

Затем в Вильне одно время жил Л. М. Зак, он часто бывал в Минске, и я с ним встречалась. О рабочих кружках в Вильне он ничего не говорил. Как я слышала, в Вильне в 80-х годах были организованы чулочницы. Были еще сапожные артели, которые, как я слышала, были организованы Яковом Ноткиным, убитым во время первой Якутской бойни в 1889 г. Я передаю те сведения, которые мне известны от других лиц.

Что касается касс и их характера, то я уже говорила, что кассы были, но никаких практических целей они себе не ставили, это не были кассы борьбы позднейшего времени. Если рабочий принадлежал к организации, он считал своим долгом иметь свою

кассу. Кассы существовали на всякий случай, но систематических собраний касс, взносов в кассу не было, потому что не было тех практических целей, которые были впоследствии; поэтому кассы такой роли не играли у нас.

Принципа организации в сущности не было. В хургинской группе, может быть, он и был, а в нашей группе было больше свободы на этот счет.

У нас не возникал вопрос о применении еврейского языка. Это не значит, что, если мы занимались с рабочими и если что-нибудь было непонятно, мы не прибегали к объяснениям и переводам на еврейский язык, но самостоятельной роли еврейский язык не играл, и не потому, что мы являлись ассимиляторами, а нам просто как-то не приходила такая мысль, да и не было соответствующей литературы. Правда, надо сказать, что если бы возникла потребность, то возникла бы литература. Но в то время, о котором я говорю, этой потребности не возникало еще, и потому литературы такой в то время не было.

Этим я исчерпала все вопросы.

Тов. Залкинд. Я хочу указать, что мысль о том, чтобы вести пропаганду в еврейских массах на еврейском языке, возникла в 1878—1879 гг., возникла эта мысль собственно у Зунделевича. Носился с этой мыслью очень долго Цукерман, и знаю, что он об этом очень и очень много говорил в течение года и больше. Что сделал кружок Либермана, я не знаю. Но я знаю, что кроме этих лиц в то время занимались этим вопросом Лион и Рембо, но, к сожалению, нужно сказать, что их захватила террористическая деятельность и об этом некогда было думать.

Тов. Киржниц. Прошу зафиксировать, что Рембо—это никто иной, как Филипп Кранц.

Кроме этих вопросов доклад вызвал еще дебаты. Особенного внимания заслуживают замечания т. Г. А. Лурье и т. Копельзона.

Тов. Лурье указывает, что Е. А. Гурвич отметила, что обычно забывают о рабочем движении 80-х гг. и она поэтому себе поставила целью—указать, что 80-е годы не представляли собой какого-то пустого места. Для него лично вопрос сводится не к тому, представляют ли собой 80-е годы пустыню или нет, тут вопрос о преемственности, о том, в какой мере 90-ые годы наследуют 80-е годы.

Если забыть о 80-х годах, то окажется, что движение возникло в 90-х годах. В докладе постановка такая: движение возникло в 80-х гг. Но все-таки остается неосвещенным вопрос: есть ли определенная историческая зависимость между движением 80-х гг., которое довольно широко тогда процветало (имело

250 членов), но которое к концу десятилетия заглохло, и 90-ыми годами. Я просмотрел стенограмму и ответа на этот вопрос не нашел. Этот вопрос напрашивается хотя бы потому, что—чем объясняется это странное забвение, если это есть, так сказать, корни дальнейшего, чем объясняется то, что в официальных источниках о еврейском рабочем движении Минск как-будто отсутствует. В официальной истории фигурирует Вильна, чем это объяснить? И второй вопрос, с этим связанный: Вильна была не только Вильна, это было, что называется, Литовский Иерусалим, но из сообщения видно, что и в Минске были такие попытки,—тут какая-то историческая неблагодарность. Случайно ли это или это имеет под собой какую-либо почву?

Должен сказать, что меня этот вопрос интересует с более широкой точки зрения, с точки зрения влияния народовольческого движения на еврейское рабочее движение. Если вообще совершают такую ошибку, что считают 80-е годы пустыней, то мне кажется, что часто совершают еще одну ошибку. Мы до сих пор еще не установили и не пытались установить преемственности народовольческого движения и еврейского рабочего движения. Может быть, это могло даже некоторым показаться ересью и чем-то совершенно неправильным. Я не говорю о народовольческом движении в целом,—оно безусловно имело влияние,—но я хочу сказать о народовольческом движении на еврейской улице. В тех докладах, которые уже продефилировали здесь у нас в секции, мы уже сталкивались с определенной зависимостью еврейского рабочего движения от народовольческого движения непосредственно на еврейской улице. В докладе Тимофея Копельзона мы слышали о Ноткине, одном из народовольцев 80-х гг., который явился основателем кружков в Вильне. В докладе Е. А. Гурвич народовольцы занимают место, но меня интересует вопрос, были ли это два этапа, между которыми нет преемственности, которые шли один за другим, или два этапа, из которых один вырос, вылился из другого. Было бы хорошо установить, в какой они находились исторической последовательности.

Тов. Копельзон. Вопрос, который задал т. Лурье, чрезвычайно интересен. Дело в том, что несомненно существовала преемственность. Я не сомневаюсь, что Вильна до известной степени является преемницей Минска. В каком смысле? Дело в том, что те кружки, которые были в 1885—1886 гг., кружки, которые основывал Иогихес, возникли под влиянием Минска. Я лично знаю, что в 1887 г. Иогихес встретался со Шмулевичем и со многими другими, я не помню фамилий. Просматривая сегодня стенограмму, я находил лиц, которые приезжали из Витебска; кое-кто жил у нас в Вильне в течение нескольких лет, напр., Пеймерин, правда,

она не оказывала непосредственного влияния на виленское движение, но своим опытом она кое-что давала. Мы с ней встречались много раз и много говорили. Затем Рафаил Свердлов, «Художник» по прозвищу, оказывал большое влияние на Вильну. Затем к нам приезжал доктор Абрамович, он пробыл несколько дней (потом он был арестован в Киеве), он дал нам программу, писанную для кружков, которая оказала известное влияние. Он дал нам, так сказать, нить, по которой мы должны заниматься с рабочими. Из Минска мы получали литературу, с минчанами мы имели дело, они приезжали из-за границы в Минск и Вильну, напр., Слепян, Шмулевич.

Преемственность несомненно имеется. Затем, преемственность можно понимать не в положительном смысле, а в отрицательном. Вильна пользовалась опытом Минска, чтобы строить работу не так, как в Минске, и если не было бы этого опыта, Вильна могла бы пойти по неправильному пути; например, артельное движение, которое было в Минске, показывало отрицательную сторону минского опыта. Затем программа, которая существовала в Минске, была полународническая, мы эту программу отвергли. Правда, программа Абрамовича была с.-д., мы ею пользовались. Затем еще отрицательное—это пессимизм, который в 80-х гг. был в Минске, потому что там движение наталкивалось на какой-то тупик, там была народовольческая программа, в которой люди разуверились, не успевши освоиться с марксистскими взглядами. Помню отчаянные споры между Шмулевичем и мной в 1887 г. по поводу «Наших разногласий»; он отстаивал народовольческое движение, я уже тогда защищал наши идеи. Помню беседы с покойным братом Е. А.; он был полон отчаяния, в конце 80-х гг. он говорил, что движение замирает, что надо ждать 20 лет, пока не вырастет новое поколение, тогда начнется новое движение, поэтому он говорил, что единственный выход для еврейских рабочих—это эмиграция в Америку. Мы боролись против таких взглядов. Влияние Минска в этом отношении было отрицательное. Начало рабочего движения в Вильне, его прочное начало — в 1887 г., когда образовалась уже более солидная организация и работа шла во-всю. В 1887 г. был один момент, который имел огромное влияние на нас всех, который повлиял на минчан в смысле увеличения пессимизма, а на нас в смысле выработки новой программы. Это был март 1887 г. Один из кружков, помогавших террористам, молодым народовольцам, был в Вильне. Во главе стояла Гордон и некоторые другие товарищи. Я помню, как на мне отозвалось это событие. Сначала я впал в отчаяние. Я несколько лет руководил кружками, пытался кустарно работать среди рабочих. Сначала это было

какое-то отчаяние, но потом постепенно стало вырабатываться какое-то новое отношение—отрицательное. Появилась новая брошюра Плеханова, манифест коммунистической партии и др. издания. Это служит водоразделом между прежним и новым. На Минск это повлияло в смысле разложения движения. 1886—1887 гг. были периодом разложения, а в Вильне наоборот—периодом роста движения. В Минске было еще народовольчество, они не могли еще вырваться из старого, перейти к новой тактике, тогда как мы уже переходили к новой программе, к новой тактике, хотя мы еще не назывались с.-д. Айзенштадт в 1891 г. еще считал себя народовольцем, защитником субъективного метода в истории, и приходилось очень много с ним бороться. Как вы видите, преемственность имеется. Затем кое-кто из нас, например, Иогихес и Раппопорт, считали себя народовольцами. У всех у нас был еще оттенок народовольческий. Затем, если хотите, та конспирация, которая создавалась в Вильне и которая потом перешла на все европейское рабочее движение и на «Бунд», это была конспирация именно народовольческая, которая играла огромную роль. Мы сумели в течение нескольких лет держать рабочее движение в Вильне в нетронутом состоянии, это имело огромное значение, например, литература; я получал в 1887—1888 гг. литературу почти исключительно народовольческую, она имела огромное влияние на наших рабочих не в смысле победы террора, а в смысле того героического духа, который нам давал «Календарь Народной Воли» и др. Мы были несомненно последователями и преемниками «Народной Воли». Затем в отношении политической борьбы преемственность была несомненно. Вот все, что я хотел сказать.

Тов. Л у р ь е. По существу больше никто ничего не может сказать. Я хочу сказать еще одно слово. Видите ли, когда я просматривал сообщение, мне бросилась в глаза та черта, о которой я не хотел раньше сказать, но тов. Тимофей Копельзон назвал эту черту. Когда я слушал и когда я читал сообщение, меня мучил такой вопрос: чем собственно вы жили? Я как-то не заметил большого внутреннего, я бы сказал, размаха этого движения. Я заранее извиняюсь, если ошибаюсь, это мое впечатление, что перед нами последняя полоса народовольцев и даже, я бы сказал, не последняя полоса марта 1887 г., а такая полоса, которая несколько ближе примыкает к народникам 80-х гг., полоса в значительной степени не революционная, а экономическая, культурническая. Я ставлю несколько резко свои впечатления; может быть, они будут подтверждены, может быть, они будут отвергнуты, но я говорю, что такое впечатление у меня сложилось. Может быть, этим объясняется причина того спада; у меня осталось впечатление, что это

была именно такая эпоха, о чем я уже намекнул в своем первом слове. Не было ли такого дела, что 80-е годы, заканчивая собой славную эпоху, закрывали ее страницей упадка, и не было ли это движение скорей движением культурническим, самообразовательным, чем предшественником будущего революционного движения. Если верно мое предположение, этим не отрицается преемственность, а в смысле размаха, может быть, вернее будет сказать, что 90-е годы в смысле своего революционного размаха были преемниками вообще народовольческого движения, а это движение передало только традиции мысли, а не традиции революционные в собственном смысле слова. Мне кажется, что это связано еще с одним моментом.

Революционное движение 90-х годов было движение, которое, мне кажется, недостаточно оценивалось в порядке тех докладов, которые были до этого. Та культурная революция, внутренняя революция рабочего движения 90-х годов на еврейской улице, внутренний переворот в еврейских массах—у меня осталось такое впечатление, — не были оценены в предыдущих докладах. В этом докладе это совершенно отсутствовало.

Я хотел бы остановиться на одном моменте. Он относится не только к этому докладу, но и к предыдущим, он резюмирует доклады и прения, которые имели место вокруг рабочего движения 90-х годов. Я бы сказал, что это резюме было в особенности одним из докладов остро и ярко охарактеризовано; что одним из первородных грехов еврейского рабочего движения 90-х годов является замыкание работы среди евреев, без попытки расширить ее за счет других рабочих. В докладе Е. А. был любопытный момент. У вас был один товарищ, а может быть и больше довольно активных не-евреев, но работали они в Минске исключительно среди евреев; это было, в сущности говоря, не только в Минске и не только в 80-х годах, в 90-х годах и в начале 900-х годов. Бундовское движение имело своего «гоя», который всю свою работу отдавал еврейскому рабочему движению. Вы можете назвать в Витебске своего «гоя», в Двинске своего и т. д. Что же это показывает? Очевидно, этот «гой» не страдал психологией гетто, узким шовинизмом, очевидно, тут были какие-то объективные условия. Очевидно, это являлось следствием особой обстановки пролетариата, незначительного по своему количеству и качеству, и целого ряда национальных преследований, которые создают при слабом экономическом базисе почву для широкого движения. В христианском пролетариате, который жил бок-о-бок с еврейским пролетариатом, этого элемента не было, там был только экономический элемент, если не говорить о Лодзи, Белостоке, Варшаве. Тут не было сознательного или несознательного самоограничения,—

наоборот, были попытки лбом прошибить стену, расширить обстановку,—но это сталкивалось с отсутствием объективных условий. Мне казалось бы, что в сообщениях о 80-х годах этот факт следовало бы осветить: те, которые имели все возможности работать вне еврейской среды, 90 проц. своих сил отдавали на еврейскую среду. Очевидно, это был единственный объект, где усилия могли увенчаться каким-либо успехом.

Тов. Гурвич. Мне приходится затронуть вопрос, который я сознательно не затрагивала в своем докладе,—это огромный спор между Минском и Вильной: кому принадлежит пальма первенства. Меня этот вопрос мало интересовал, он меня всегда немножко смешивал, и я в шутку решила его в пользу Сморгони. Я не основывалась на каких-либо данных, а просто потому, что в Сморгони также имелись кой-какие рабочие кружки, а она находится между Вильной и Минском, и я хотела в шуточной форме показать всю нелепость этого спора. Меня это не интересовало. Когда я здесь рассказывала о Минске, я вовсе не имела в виду затронуть самолюбие виленцев; я просто хотела сообщить о том, что было, так как я находила, что это интересный исторический материал, и больше, чем на материал, я на это не смотрела. Вопрос, который здесь поставлен, это о преемственности. Мне казалось, что так как я начала с 70-х годов (вскольну упомянула), то я сделала это для того, чтобы показать, что не из пустого места что-нибудь родится. Я указала, что кой-какие попытки пропаганды были в 70-х годах, и что это продолжалось дальше и в 80-х гг. Если мы здесь поставим вопрос массового еврейского движения,—я отдам пальму первенства Вильне: да, массовое движение началось в Вильне, а не в Минске, и это вполне понятно. Вильна—большой центр, Вильна являлась местом ремесленного производства, количественно рабочих в Вильне было больше, чем в Минске, и, значит, естественно, что массовое движение должно было начаться там. Если бы в Минске в 80-х гг. не было пропагандистского движения, то, вероятно, оно началось бы в 90-х гг. в Вильне, и не потому, как выразился тов. Тимофей Копельзон, что Минск дал отрицательные стороны, а потому, что, по моему глубокому убеждению,—может быть, я грешу против всевозможных теорий,—всякому широкому массовому движению должно предшествовать известное время кружкового чисто пропагандистского движения, потому что с неба ничего не сваливается. Должны быть известные маленькие группки среди рабочих, которые приобщаются к социализму, для того, чтобы могло начаться широкое массовое движение. Так было, например, в Германии. И вот с этой точки зрения я и думаю, что то, что было в Минске, если бы даже это совершенно умерло, если бы никаких связей не осталось, все-таки сыграло бы свою роль.

Правда, в конце 80-х гг., приблизительно в 1889 или 1890 гг., движение как будто бы замерло, но создались известные традиции, которые остались в рабочей среде, существовали воспоминания о старших братьях и сестрах, которые разъехались по разным городам России, но главным образом уехали в Америку. Традиции остались, и эти традиции сослужили впоследствии известную роль, может быть, с известной точки зрения и отрицательную, потому что это были традиции пропагандистские. О Вильне я не берусь говорить, но в Минске то недовольство, которое существовало в рабочей среде, когда велась только широкая массовая агитация, но не велась пропагандистская работа или велась в очень ограниченной степени в 90-х гг.,—это было результатом традиций этого предшествовавшего движения 80-х гг., традиций, с точки зрения Тимофея Копельзона, может быть, отрицательных, с моей точки зрения не столь уж отрицательных, потому что традиции эти выросли из стремления рабочих масс бороться не только за свои экономические интересы, как было в начале массового движения, но и приобщиться к общему социалистическому движению, стать не только массовиками, но также и разбираться в вопросах социализма. Так что, если это имеет отрицательные стороны с точки зрения массовика, то это имеет свои положительные стороны с точки зрения стремления проникнуться идеями социализма. Это одна сторона преемственности. Затем я могла бы указать на преемственность личную, потому что один период движения всегда был какими-либо людьми связан с предыдущим периодом. Как я уже указывала, в 1875 г. в Минск приехал пропагандист Рабинович (он был виленец по происхождению, виленцы могут успокоиться); Рабинович больших следов не оставил, рабочие, которых он распропагандировал, стали потом хозяевами мастерских, и у одного из них, как я раньше сказала, была первая забастовка. Это вполне естественно, потому что в то время экономическое положение было таково, что маленький еврейский подмастерье, получивший немного денег, мог открыть мастерскую. Широко развитой промышленности в то время не было; естественно, что социалистическое движение не могло иметь широкого развития. Но остались люди из распропагандированных Рабиновичем, например, Рогаллер, который во время «Бунда» был арестован, потому что он оказывал услуги: у него снимал квартиру Кремер, он имел связи, работал по добыванию паспортов,—это уже преемственность, как видите,—с 1870 г. продолжал работать до 1890 г. и даже позднее, до того, как уехал в Южную Америку в 1902 г., до этого времени занимался в Минске революционной работой. Вот вам преемственность.

Дальше я указывала, что в 1878—1879 гг. в Минске был пропагандист Веллер, который завел связи с еврейскими рабочими;

эти рабочие потом частью уехали,—кто в Америку, кто в Париж,—но опять-таки он оставил известные следы в Минске, оставил рас-пропагандированных людей, которые потом продолжали дальше свою работу до тех пор, пока они жили в Минске, а потом разъ-ехались в другие города и тоже продолжали работу.

Затем я указывала, что в начале 80-х гг. в Минске было до-вольно широкое народовольческое движение,—я на нем не оста-навливалась, потому что этот период расцвета народовольческого движения очень хорошо освещен и описан и это не входило в план моего доклада, я говорила только о рабочем движении, но в Мин-ске было широкое народовольческое движение, которое было тесно связано с предыдущим.

Затем, когда возникли рабочие кружки в Минске? Я уже ука-зывала, что первым основателем был Хургин, он был определен-ный народовец. Я с ним познакомилась в 1879 г.; он тогда уже по своим взглядам был близок к народовольцам. Потом он ездил за границу по народовольческим делам, и, приехавши из-за гра-ницы с письмом Гартмана, был арестован. Просидел в Вильне, а по-том, живя под надзором полиции в Минске, положил начало рабо-чим кружкам. Вот вам связь, которая проходит от 70-х гг. к 80-м, к образованию этих первых еврейских рабочих кружков. Затем дальше это дело продолжалось и оно не заглохло, как говорил Ти-мофей. В 1887 г. оно постепенно стало замирать и окончательно замерло к 90-м гг., потому что не было выхода, потому что еврей-ские массы в то время не могли экономически развернуться, не было никакого выхода, в русские города уезжать было затруднительно и перспектив никаких не было. В то время, когда во всей России еще не началось массовое движение, нельзя себе представить, чтобы в черте оседлости, где было исключительно ремесленное производство, чтобы там могло возникнуть массовое движение, чтобы там могла развернуться борьба за насущные интересы. Вся беда заключается в том, что в 80-х гг. еще не сумели связать борьбу за повседневные, насущные, ближайшие интересы с широ-кой политической борьбой. Не вина была Минска или других го-родов в том, что эта полоса еще не наступила во всей России. Мы знаем, что рабочее движение во всей России началось гораздо позднее, и что, например, стачка в широких размерах на Морозов-ской ф-ке была только в 1884 или 1885 году. В 1879 г. было в Пе-тербурге несколько стачек, но они не дали больших результатов; хотя были организованы Северный и Южный русские рабочие союзы, но они большой роли не играли, потому что главное вни-мание революционеров после выделения «Народной Воли» из преж-ней «Земли и Воли» было направлено на террор и политическую борьбу, и если рабочие принимали участие, то как отдельные ра-

бочие, но широкое рабочее движение не ставилось еще во главу угла, да и не могло оно в то время возникнуть по причине слабого экономического развития России. Широкие стачки 80-х гг. имели место только на Морозовской ф-ке, были отдельные стачки в Костромской губ., но широкого характера это не принимало, и потому естественно, что в таком городе, как Минск, я бы сказала, и как Вильна, не могли явиться на сцену такие вопросы — как связать реальную борьбу с политическим движением. Конечно, у отдельных лиц возникала такая мысль, но широкого распространения это не имело и поэтому характер этого движения был чисто пропагандистский, и, как я уже говорила в прошлый раз, задачей, которую ставили себе организаторы или руководители рабочих кружков, была задача создания рабочей интеллигенции, которая впоследствии послужит, так сказать, для цели широкого движения, для распространения движения. Какой характер это движение примет, — мы в то время себе не представляли. Можно сказать, что в этом было отрицательное влияние Минска на Вильну, — это меня мало интересует. Я должна сказать, что, насколько мне известно, в Вильне были также пропагандистские кружки. Тов. Тимофей о них не рассказывал, потому что это было в период, предшествовавший ему, но что такие пропагандистские рабочие кружки были в Вильне, об этом мне неоднократно рассказывали. Здесь тов. Тимофей упоминал о том, что в Минске увлекались артельным движением, а в Вильне нет. Мне приходилось говорить об этих артелях в прошлый раз. Я уже говорила, что первая артель была артель слесарей, она возникла совершенно случайно, как результат забастовки. Некоторому числу рабочих некуда было деваться, потому что хозяева не принимали их в мастерские, и поэтому в то время, не будучи совершенно идеалистами по части артелей, они устроили артель, не думая, что этим будет спасен мир или, что это положит начало рабочему движению, но эта артель скоро распалась, потому что не было ни капитала, ни настроения, и не было заказов. Затем я указывала, что вторая артель возникла в начале 1889 г. под влиянием виленца, не-еврея, некоего Соколова, который приехал в Минск и носился с идеей артелей. Для него артель была идеалом. Он обратился ко мне, я ему указала на прежних артельщиков, и они вошли в соглашение. Я уже указывала, почему эта артель распалась. Именно потому, что для Соколова артель была самоцелью, а для этих еврейских рабочих это было только средством устроиться, и они относились к этому делу довольно равнодушно.

Затем Тимофей тут говорил, что наше движение было чисто народофильским, которое существовало в упадочное время народофильства. Из марксистов он указывал только на Абрамовича,

указывал, что Шмулевич был народовольцем. Я должна сказать, что он тут хронологически путает. Шмулевич, живя в Минске, был народовольцем, после этого он уезжает в Швейцарию, становится с.-д. и привозит в 1887 г. из Швейцарии в Минск вопросы для выработки программы. Вот эти вопросы в Минске у нас обсуждались, и правда, не все кружки довели это обсуждение до конца. Один из таких кружков довел это обсуждение до конца. У нас очень многие высказались в пользу с.-д. программы. Затем мы эту брошюру отпечатали и разослали по всем городам России, и она имела большое распространение. Я думаю, что она сыграла немалую роль для определения с.-д. направления. Даже те из народовольцев, которые еще в то время были в Минске,—Хургин, который был определенным народовольцем, Гальперин, который впоследствии был с.-р.,—даже они уже народниками в чистом виде не были, а что касается остальных, то я укажу на своего брата, на себя, на Абрамовича, можно было бы еще привести целый ряд фамилий,—они народниками в 80-х гг. не были, а были определенными марксистами, с известным, конечно, налетом народничества, в виду того, что, в сущности говоря, в 80-х гг. марксистов без всяких следов народничества или народовольчества почти еще не было.

Тов. Тимофей здесь говорил о пессимизме, о безысходности и упоминал моего брата, который говорил, что единственный выход для еврейского рабочего — это уезжать в Америку, и что должно вырасти новое поколение. Не стану спорить, у моего брата было такое отношение к движению, он действительно говорил, что еврейским массам приходится уезжать в Америку,—было это; но обобщать этого нельзя, потому что движение все-таки продолжалось и после 1888 г., оно продолжалось до 1890 г. Я уже говорила, почему оно заглохло. У еврейских рабочих не было никаких перспектив, и так как они не пришли еще к тому, что политическая борьба должна быть связана с насущными повседневными интересами, то естественно, что движение, которое носило чисто кружковой, я бы сказала, чисто академический характер, не давало никакого выхода и должно было заглохнуть. Тут тов. Лурье говорил, что оно, может быть, носило культурный характер. Не буду отрицать. Естественно, что если люди сперва учатся грамоте, а затем занимаются вопросами социализма, читают, в различных кружках обсуждают вопросы социализма и политические вопросы, то естественно, что это имеет культурное значение, но сказать, что это движение не носило никакого революционного характера,—этого ни в коем случае нельзя, потому что всякое движение, если бы даже было не 250 чел., как было в Минске, а только 50, то при тогдашних политических условиях оно не могло не быть революционным, потому что раз собирается

5 человек для обсуждения каких-либо вопросов, это также будет делом рискованным и, следовательно, также должно будет носить политический характер. Дальше я уже говорила, что была тайная типография, и во всяком случае нельзя было считать тайную типографию, за которую люди могли пойти в Сибирь, только культурным занятием. Минск занимается добыванием паспортов для целого ряда городов (Москва, Петербург),—опять-таки это есть политическая революционная работа. В данное время мы себе это не представляем, но в то время работа по добыванию паспортов была, естественно, работой революционной.

Я еще указывала, что Минск занимался тем, что он сплавлял людей за границу. Это также работа революционная, а не культурная. Таким образом я не могу согласиться, что это было исключительно культурное движение. Несомненно, что всякое социалистическое движение есть одновременно и движение культурное, потому что раз люди приобщаются к идеям социализма, их культурный уровень повышается.

Тут Тимофеем указывал на то огромное влияние, которое имело дело 1 марта 1887 г. в Вильне. Естественно, оно Вильны ближе коснулось, потому что виленцы в этом участвовали. Должна сказать, что и на Минск дело 1 марта 1887 г. имело большое влияние; об этом говорили, вопросы эти обсуждались,—правильна ли эта деятельность или нет. В Минске были люди, которые сочувствовали террору. Надо иметь в виду, что таких, которые бы абсолютно не сочувствовали террору, в то время, а может быть даже и позднее, пока существовало самодержавие, не было. Можно было, конечно, относиться отрицательно к террору, но совершенно с другой точки зрения, с той точки зрения, что он не ведет к цели, что гораздо целесообразнее вести широкое массовое движение, но нельзя было отрицательно относиться к самим террористическим актам. Я должна покаяться, что я в гораздо более позднее время, когда я была уже определенной с.-д., хотя и вела борьбу против террора, но всяким террористическим актам сочувствовала и никак не могла понять, почему мы в 1904 г., когда был убит Плеве, должны были быть против этого; я всегда говорила, что, конечно, рабочее движение очень важно, но все-таки такие акты, как убийство Плеве, имеют огромное политическое значение. Я прекрасно помню, что в 80-х гг. несочувственно к террористическим актам никто не относился. Мы только могли тогда спорить относительно того,—целесообразен ли он, есть ли это та форма борьбы, которая должна играть первенствующую роль, или же это есть чисто подчиненная форма борьбы, и что первенствующую роль должно играть рабочее движение. И если мне память не изменяет, Плеханов в брошюре «Наши разногласия» еще не стоял на точке зрения

совершенного отрицания террора. И в то время («Наши разногласия» вышли в 1885 г., к нам попали в 1887 г.) еще никто на этой точке зрения не стоял, я могу это с полным правом сказать, потому что уже в 1879 г. не склонялась к террористической борьбе, а скорее примыкала к «Черному Переделу», а не к «Народной Воле», но тем не менее, насколько я помню, совершенно отрицательно к идеям террора никто не относился.

Когда я говорила о преемственной связи, я указывала на некоторых лиц. Тимофей говорил, что из прошлого движения никто, кроме меня, не принимал участия в «Бунде». Это неверно, потому что кроме меня был еще Рогаллер, жена моего брата, Влена Гурвич,—она не занималась в рабочих кружках, но ее квартирой пользовались, у нее прятали литературу, это есть участие в революционном движении. Я бы могла указать еще на целый ряд людей, которые также то или другое участие принимали; если они не занимались пропагандой и агитацией среди рабочих, то они собирали деньги, давали квартиры, передавали литературу,—это есть участие в движении, это и есть та преемственность, которая существовала.

Дальше, совершенно правильно тут тов. Лурье указывал, что размах это движение не имело. Я это говорила с самого начала. Это были пропагандистские кружки, которые и должны были существовать раньше, чем было рабочее движение. О размахе я не говорила, потому что его не было. Здесь указывалось на то, что те не-евреи, которые участвовали в движении, главным образом, работали в еврейской среде,—да, потому что таковы были условия нашей жизни, еврейская среда была более восприимчивой к политической и социалистической пропаганде, может быть, в силу того угнетенного положения, в котором находились еврейские рабочие и еврейская интеллигенция. В таких городах, как Минск, были, конечно, и не-еврей, но их было—раз, два и обчелся, а евреев было много. Если мы возьмем еврейскую интеллигенцию, то если, как я здесь указывала, рабочие кружки охватывали 250 человек, то, если бы мы захотели подсчитать количество интеллигентов, их было бы также, может быть, не меньше. Мы никогда не занимались подсчетом, но был очень широкий круг еврейской интеллигенции. Они потом разъехались по разным местам, и многие отстали от движения, как это часто бывает в России: пока молод, принимает участие, а потом становится старше и отходит от движения.

Затем я еще вот на чем хотела остановиться. Нас обвиняют в семи смертных грехах, не нас, минчан, а вообще еврейских революционеров 80-х гг. и немножко даже и 90-х гг., в начале возникновения «Бунда», что мы являлись ассимиляторами, стремились к русскому языку, что мы устраивали тайные кружки для того, чтобы

изучать правила употребления буквы «ять» и т. д. Должна сказать, что все эти обвинения ни на чем не основаны. Я не знаю, является ли это одним из семи смертных грехов, может быть, это не такой уж большой грех, что мы стремились к изучению русской литературы. Это все возникло совершенно естественно: в 60-х гг., вероятно, еще в 50-х гг., движение не могло вестись на еврейском разговорном языке. Когда началось просветительное движение среди евреев, то оно началось среди тех кругов, которые были более или менее интеллигентными, и, естественно, была широкая русская литература 60-х—70-х годов, которая, хотя и при цензурных условиях, все же разбирала все современные вопросы социализма, политические учения; естественно, что те, которые читали эту литературу, стремились ее распространить; и естественно, что они благодаря этому стремились научить еврейские массы русскому языку для того, чтобы они могли приобщиться к этой культуре. В 80-х гг. началось широкое революционное движение в России; естественно, что те, которые примкнули к этому движению, не задумывались специально о еврейском движении, а стремились привлечь еврейские массы к этому широкому революционному движению. Так как была передовая русская литература, то вполне естественно, что стремились, чтобы широкие круги еврейской интеллигенции и еврейские рабочие приобщились к этой литературе и, чтобы они могли читать и просвещаться на почве этой литературы, чтобы они могли принять участие в общем революционном движении, так что это вовсе не вытекало из того, что мы были ассимиляторами; мы в то время не думали о специальном еврейском движении, а мы думали о том, что евреи должны принять участие в общем революционном движении. Мы не думали, что одно только еврейское движение вызовет изменение политического положения евреев; мы думали, что прежде всего нужно влиться в общее революционное движение, тогда оно и сыграет роль и будут решены всякие вопросы для еврейских масс.

Затем я уже указывала, что у нас в Минске в 1879 г.,—в других местах гораздо раньше,—возникла мысль о том, чтобы приобщить еврейскую среду к революционному движению, у нас возник вопрос об издании литературы на древне-еврейском языке. Это также не случайное явление, потому что в 1879 г. мы еще не захватили рабочих кругов. Тогда это были ешиботники; это—молодежь, которая изучала древне-еврейский язык, которая была более или менее интеллигентна, грамотна, получила образование на древне-еврейском языке. Поэтому у людей, которые в сущности ничего с древне-еврейским языком общего не имели, как например, я и мой брат, возник вопрос о том, чтобы издавать литературу на древне-еврейском языке именно для тех кругов, которых было

довольно много в еврейской среде. Эта попытка не имела успеха, но она была не единственной. До нас издавалась газета в Берлине, может быть, это и послужило для нас примером. Первая легальная газета для евреев — «Гамелиц» — издавалась в Одессе также на древне-еврейском языке. Она стремилась захватить те круги, которые знали древне-еврейский язык; надо было долго ждать, пока они научатся русскому языку. Вполне понятно, что явилась мысль приобщить эти круги к социалистическому движению. Что эти круги сыграли большую роль в бундовском движении, это не подлежит ни малейшему сомнению, потому что эти полуинтеллигенты, которые служили связующим звеном между интеллигенцией и рабочими, это были те элементы, которые раньше изучали древне-еврейский язык. Так что смертного греха в этом я никакого не вижу.

Ставился вопрос о том, что была попытка издания литературы на разговорном еврейском языке. Я упоминала о том документе, который Тимофей в 5-летие «Бунда» получил от Ляхоцкого. Мне указали, — я об этом не знала, — что «Народная Воля» издала 2-3 номера еврейской газеты. Об этом документе, об издании литературы на еврейском языке Тимофей мог бы что-нибудь сказать. Я думаю, что я сказала все, что я знаю.
